

ДЕНЬ КОТОРЫЙ ПОТРЕЯС НАС

Григорий Явлинский

“В Чернобыле что-то случилось, - сказала мне жена, - смотри, что они показывают”. Программа “Время” скупо рассказывала, что на одном из реакторов произошла авария, но ничего страшного, подготовка к празднику 1 мая идет успешно, демонстрация состоится... Наш младший сын в это время был у бабушки во Львове.

Уже тогда было понятно, что городок, о котором никто не слышал, станет не просто символом технократических катастроф XX века, но приобретет более серьезное значение.

Сообщения о том, что строится саркофаг над реактором, невольно снова погружали нас во времена “звезды Полюны”. В конце концов относиться к катастрофе на атомной станции, как к обычной аварии, только более крупной, казалось для многих единственно возможным способом пережить то, что случилось 26 апреля 1986 года.

Мы не удивились, что первыми рассказали об аварии “западные голоса”, если бы облако не пошло на Западную Европу, вряд ли бы мы вообще что-нибудь об этом узнали. Мы еще не знали, что им были покрыты часть Белоруссии, Брянская, часть Калужской, Орловской, Тульской, Псковской, Ленинградской областей... Мы привыкли жить в катастрофе.

Обломки реактора разлетелись куда более мощно, чем казалось. Волна прошла не только по нашей земле, вызывая все более

серьезные разрушения, как политические, так и нравственные.

Мы уже не те, что были до взрыва. Даже те, кто не схватил дозу радиации, не могут сказать, что их не коснулась катастрофа. Техническая авария у нас трансформировалась в нравственную, заражая душевным расслаблением, равнодушием, потерей нравственно ориентированного сознания. Придем ли мы в себя после этой катастрофы?

Ведь одного Чернобыльского взрыва было бы достаточно, чтобы задуматься, что такие события не происходят только по халатности. Не задумались. Не задумались и после землетрясения в Армении, и после гибели на глазах у всего Севастополя теплохода “Новороссийск”, ни после Чечни...

Теперь к нам везут со всего света ядерные отходы. И мы принимаем это.

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ,
литературовед, пушкинист,
доктор филологических наук,
лауреат Государственной премии 2001 г.

Первое, что я испытал, когда узнал о Чернобыльском взрыве, был ужас, ощущение катастрофы. В этот же день мы узнали о смерти нашего друга, человека во всех отношениях яркого, необыкновенного. Эти два события слились в одно.

Потом, когда чувства несколько улеглись и стало возможно осмысление того, что произошло, стало ясно, что взорвалось что-то в жизни России XX века. Чернобыль - это символ катастрофы, которая произошла с нашей страной. Что-то подобное должно было случиться с Советским Союзом. Один такой Чернобыль уже был в 1917 году. Взрыв в апреле 1996 завершил цикл.

Это должно было научить чему-то, помочь народу понять что-то важное. Ведь катастрофа произошла, когда шла перестройка, намечался выбор пути. Взрыв должен был стать предупреждением, что и этот путь, как путь 1917 года, возможно, неверен.

Трагедия с подводной лодкой “Курск” - тоже своеобразный Чернобыль. Это тоже знак, что мы идем не так и не туда.

Если рассматривать Чернобыль в контексте мировых судеб, то Чернобыль сопоставим с Хиросимой. Однако Чернобыль - это следствие наших пороков, а Хиросима - их достижений. Путь, который привел к Хиросиме, еще страшнее. Американизм и большевизм стоят друг друга, неизвестно, что страшнее.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО,
председатель Крестьянской партии,
публицист

Меня в Чернобыль вытащил мой друг Юрий Шербак, доктор медицинских наук, потом депутат Верховного Совета Украины, сейчас он где-то посол Украины. Он отстаивал права тех, кто пострадал в аварии, был нападающей, клеймившей силой, он не позволял скрывать масштабы бедствия.

Мы оказались в Припяти ровно спустя два года после взрыва, в апреле 1988 года.

Пустой город, город для “Сталкера” Тарковского. Первое, что мы увидели, - лирикообразная сосна, обожженная рогатиной. Она сразу бросалась в глаза. Красный лес - это потом, но эта сосна так и стоит перед глазами.

При нас закапывали остатки техники, которую использовали ликвидаторы.

Мы с Щербаким говорили, что ядерная война не состоялась. Океан не закипел, небоскребы Токио и Манхэттена не рухнули, Москва не превратилась в кучу золы. Но репетиция состоялась. Судьба наказала нас, порвав там, где было тонко.

Меня удивило, что Горбачев не поехал в Чернобыль ни сразу после аварии, ни потом. Это сильно уронило его в моих глазах и мнении моих друзей. Он не проявил себя мужественным, скорбящим человеком, которому ясны масштабы бедствия.

Чернобыльской аварии, этой страшной раны, хватило для развала СССР.

Василь БЫКОВ,
писатель, лауреат Ленинской и
Государственных премий,
сейчас живет в Германии

Чернобыльская катастрофа стала первым явственным знаком развала коммунистической системы, обнаружившей невозможность дальнейшего существования в ее прежнем виде.

Чернобыль засвидетельствовал перед миром сумасбродность коммунистической идеологии, банкротство советской экономики и советской науки, стала видна вся тупикивость их развития в направлении космоса, наращивания ядерного вооружения при полном пренебрежении нуждами народа. Наука едва ли не целиком переключилась на службу ВПК и политической пропаганды. Там, где пропаганда не в состоянии была подчинить себе здравый смысл, вырубал доведенный до абсурда пресловутый режим секретности.

Именно секретность должна была скрыть от мира катастрофу 26 мая 1986 года, как она скрыла до того десятков прежних, не менее страшных катастроф. И если бы не заграничные масс-медиа, не “забугорные голоса”, советские люди до сих пор не знали бы, отчего они умирают, отчего столько мутантов среди людей и животных.

А смертоносный радионуклидный дождик, “благодатно” пролившийся на восток Белоруссии из осажденного чернобыльского облака, считался бы божьей благодатью для повышения урожайности колхозных полей. Впрочем, мы и до сих пор не знаем, кто и как принял дьявольское решение о “посадке тучи”, почему выбор пал именно на эти, а не на другие районы, кто эти герои-летчики, руками которых устроен этот Чернобыль-2.

Неужто действительно, как пишут заграничные медиа, принимающие решения руководствовались неотразимым аргументом: все равно вымрут?

На смену неудавшейся лжи ныне приходит новая: о безвредности облучения, преимущественной опасности со стороны психических стрессов, т.е. напрасного, необоснованного страха. При такой очень “научномоемкой” концепции вина за последствия катастрофы перекладывается на тех, кто о ней говорит и пишет. Вот почему такими “контрпродуктивными” для режима стали “писатели”: все эти газетные и тележурналисты, писатели-документалисты, разглашающие государственные секреты и тем будто бы дестабилизирующие общество. Следовательно, вполне обоснованным становится закрыть, запретить, а то и посадить. Классический, обкатанный метод тиранических режимов - от древности до наших дней.

Олег БАСИЛАШВИЛИ,
народный артист СССР,
актер театра им. Г. А Товстоногова,
(Санкт-Петербург)

Я недавно разговаривал с замечательным кинорежиссером - Георгием Данелией. Он считает, что человечество во всех своих ипостасях катится к концу. В прин-

ципе, глядя на интеллектуальное вырождение, и не только в нашей стране, начинаешь думать, что он прав.

Цивилизация несет для человека не только удобства, но и разрушает его нравственную основу. Необходимо сохранить баланс между стремлением к удобствам и твердостью нравственности. Этим балансом может служить институт, который называется культурой. Ничто другое этот баланс не сохранить, ни заменить не может. Ибо это единственное, что держит планку. Поэтому к культуре мы должны относиться с трепетом и вниманием.

Когда произошел взрыв, мы сидели у телевизоров и видели многотысячную первомайскую демонстрацию в Киеве. Мы понимали, что снова действует ложь, вранье, что сотни тысяч погибнут, а еще больше будут болеть. Но те, кто устраивал демонстрацию, действовали по формуле, провозглашенной Лениным: “Все, что служит делу победы пролетариата, нравственно”. В данном случае, те, кто “служил победе пролетариата”, сочли нравственным выгнать на улицу сотни тысяч людей, чтобы скрыть масштабы катастрофы. При этом, конечно, своих детей, свои семьи они эвакуировали подальше.

Большевики, придя к власти, добились многого: они заменили тысячелетнюю культуру новой. Та система координат, которой жило человечество, была повернута наизнанку. Вместо “чти отца своего” - “не чти отца своего”, и так во всем.

Мы пытались вырваться из плена сталинщины, которая выросла на российском рабстве. И сейчас мы живем в той же сетке координат, которую утверждали большевики. Пытаюсь создавать новые законы, зиждущиеся на них, мы действуем внутри прежней системы.

До тех пор пока система координат культуры не будет восстановлена, ничего у нас не получится. Это касается культуры во всем спектре: от образования, медицины и до самого высокого искусства.

Но, к сожалению, большинство людей этого не понимает. Декларацию о культуре, которую мы писали вместе с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, должны подписать все государственные чиновники, депутаты, министры. Пока эта Декларация не будет принята, пока каждый гражданин не проникнется мыслью о сохранении культуры, до тех пор у нас будут Чернобыли, будут врать и топить “Курск”, будут врать про чекистов с чистыми руками и говорить о государственном уме Берии.

Единственное, что может этому противостоять, - культура. Иначе все может кончиться взрывом безнравственности, который будет сопоставим с чернобыльским. И это уже происходит.

Винной этому не только рыночные отношения, в которых, конечно, заложено это движение к безнравственности, но и искаженная, перевернутая система координат, в которой мы живем. Изменить ее может только культура. Другого пути нет.

Чернобыльский взрыв ярко высветил всю ложь, бесчеловечность, безнравственность, в которой мы жили и продолжаем жить.

Юозас БУДРАЙТИС,
актер театра и кино,
сейчас атташе по культуре посольства
Литвы в России

Я приветствую эту газету, потому что нельзя забывать Чернобыльскую трагедию, память о ней должна быть все время с нами. Можно считать, что это коснулось всех нас, мы все попробовали, что это такое.

В тот день я открыл балкон, пахло весной, все было спокойно и благополучно, наш сын уехал в поход. Уже вечером мы поняли, что, возможно, последствия взрыва коснутся Литвы, что наш сын будет спать под открытым небом, что может пойти дождь... Паники у нас не было, но настороженность, тревога были очень сильны.

Думаю, что те чувства, которые переживали люди, которых непосредственно затронула Чернобыльская катастрофа, вообще невозможно передать.

Ни в коем случае нельзя забывать об этих людях, о том, что им пришлось пережить.

Марк ХАРИТОНОВ,
писатель, первый лауреат Букеровской
премии

О Чернобыльской катастрофе я узнал из двух строчек сообщения в газете, которую купил в Переславле-Залесском.

Был прекрасный солнечный день, удивительно красивое Плещеево озеро, нежный ветер...

В газете говорилось не о катастрофе, а об аварии. Я так и подумал, что эта авария - одна из многих.

Вернувшись в Москву, я спросил у знакомого физика, доктора наук, что это там произошло. “Ничего страшного, - сказал он. - Мы на работе хватаем гораздо больше рентген.”

Сейчас странно вспоминать такую легкомысленную реакцию... Подлинное осознание происшедшего стало приходить со временем. Из рассказов, из свидетельств приезжающих оттуда, а не из официальных сообщений, вставала страшная картина. Ощущение катастрофы стало нарастать. И государственная ложь усиливала это чувство.

Михаил ШАТРОВ,
драматург,
лауреат Государственной премии

Никто тогда не понимал сути происходящего, не могли оценить по-настоящему природу того, что произошло, разобраться в причинах.

Теперь, конечно, мы знаем больше. Главное, что боль от этой катастрофы будет с нами всегда.

И вот теперь к нам собираются ввозить еще и ядерные отходы. Адамов и К грозилась осуществить какие-то меры предосторожности, но они сбрасывали со счетов русскую безалаберность, ставку на авось. Сейчас понятно, почему они так настаивали на этом преступном ввозе.

Слава Богу, что в “ЯБЛОКЕ” правильно и вовремя поняли подоплеку их действий, что в Государственной Думе они голосовали против того, чтобы сделать из России радиоактивную свалку. Это может тряхнуть всю страну почище Чернобыля.

Я горжусь, что знаком со многими “яблочниками”.